

Пётр Геничев

НЕИСТОВЫЙ СКАЛЬПЕЛЬ

Пётр Геничев
Неистовый скальпель

«Издательские решения»

Геничев П.

Неистовый скальпель / П. Геничев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-961313-4

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Знаменитого хирурга-экспериментатора Владимира
Дементьева вынуждают попытаться спасти мозг Сталина, пересадив его голову
на тело молодого канатоходца...

ISBN 978-5-44-961313-4

© Геничев П.
© Издательские решения

Содержание

Пёсьи головы	6
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Неистовый скальпель

Пётр Геничев

Основано на реальных событиях. Сведения о некоторых получены у знаменитого хирурга В. П. Демикова. Автору довелось присутствовать на невероятных экспериментах, прославивших этого медика на весь мир, но он оставался почти безвестным в собственной стране. Ибо сказано: «Нет пророка в своём Отечестве»...

© Пётр Геничев, 2021

© Геннадий Петров, 2021

ISBN 978-5-4496-1313-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пёсьи головы

I

Бассейн обрывался... никуда. Его дальний бортик, обтянутый прозрачной плёнкой голубой воды, служил едва различимой границей, за которой с высоты птичьего полёта распахивался бескрайний аквамарин умиротворённого океана. Трепетное единение морской стихии и неба нарушал дрожащий силуэт белоснежного пассажирского теплохода; британский многопалубный лайнер покинул порт Кейптауна пару часов назад.

Как и морская гладь, всё вокруг излучало спокойствие, солидность, навевало благолепие, гармонировало с небольшой роскошной виллой, и ничуть не хуже – с тщательно ухоженным садом, напоминавшим, скорее, английский мини-парк.

В шезлонге на каменной площадке бассейна возлежал поджарый загорелый мужчина лет сорока пяти. Он был в жёлтой футболке и светло-серых «бермудах». Солнечные очки живописно примостились на его высоком, «сократовском» лбу. В досягаемости вытянутой правой руки – передвижной столик с прохладительными напитками, початыми бутылками джина и виски. С левой стороны шезлонга возвышалась стопка англоязычных газет и журналов.

Джентльмен лениво перелистывал толстую ЮАРовскую газету «Меркьюри» (The Mercury). Из транзисторного приёмника на круглом столе под большим белым зонтом негромко лились модные песни «Ливерпульской четвёрки».

Из-за буйно цветущих вечнозелёных кустов, обступивших прямоугольную площадку бассейна, бесшумно возник пожилой чернокожий слуга в синем комбинезоне садовника. В руках он держал большой поднос с ворохом разноцветных конвертов.

Негр деликатно кашлянул.

– Откуда сегодня письма, Джейкоб? – не поворачивая головы, осведомился хозяин виллы.

– Почти все из Европы, сэр. Но есть несколько десятков из Японии, Канады и Америки.

– А из России?

– Нет, мой господин, сегодня тоже не принесли. Зато есть одно аж из Советского Союза.

На конверте наклеено много каких-то странных почтовых марок...

– Что же ты молчал, Джейкоб?! Давай его сюда.

Бой аккуратно положил охапку писем на площадку и начал быстро их перебирать.

– Секундочку, мой господин. Вот оно – из Москвы. «Мистеру Кристиану Барнарду».

Адресат нетерпеливо выхватил из рук садовника измятый конверт неопределённого цвета. Мигом вскрыл, проигнорировав ножницы, услужливо протянутые Джейкобом, и погрузился в чтение.

К бассейну подошёл похожий на хозяина виллы, но более молодой джентльмен.

– Привет, Крис!

– Привет, Мариус. Располагайся и выпей чего-нибудь; озверевшее солнце сегодня палит особенно нещадно, такого лета я что-то не припомню. – Он с видом победителя поднял над головой листок бумаги. – Пришло наконец-то долгожданное послание от Владимира. Говорил же тебе, что русский академик обязательно откликнется на такое событие. Ведь я не раз публично называл его своим учителем. А с некоторых пор это дорогого стоит.

– Да уж! За один день ты стал мировой знаменитостью, куда там голливудским звёздам!

– Ладно, не перебивай старших, не ёрничай, и тем более не завидуй – у тебя ещё всё впереди, многому у меня успеешь научиться. Увы, в письме из Москвы всего несколько фраз. Скупое, конечно. Но, при скромности и сдержанности русского кудесника скальпеля, и это немало. Тем более что ему наверняка пришлось обратиться к переводчику, а я замечал, что он избегает просить кого бы то ни было даже о пустяке.

- Ну и о чём письмо от твоего далёкого русского друга, если не секрет?
- Какие могут быть секреты от единственного родного брата!

Вот что пишет Владимир: «Дорогой Кристиан! Позвольте поздравить Вас с огромным успехом. Я искренне радуюсь Вашему достижению, означающему подлинный прорыв в области практической медицины. Уверен, Вы спасёте ещё много обречённых людей. Не останавливайтесь на достигнутом и ни в коем случае не пасуйте перед трудностями. Помните: то, что сегодня в нашей профессии кажется фантастическим и абсолютно не достижимым, завтра станет рутиной. Старайтесь и впредь быть первым. Жму руку».

И постскрипtum: «Я узнал, что Вы публично назвали меня своим наставником. Спасибо, но теперь мне бы не помешало поучиться у Вас. Искренне Ваш, Владимир Дементьев». Подпись и дата: 17 декабря 1967 года.

Мариус бросил кусочек льда в стакан, плеснул джина, добавил тоника, удобно устроился в плетёном кресле и, с наслаждением пригубив напиток, заметил:

– Краткость, конечно, сестра таланта – кто бы спорил. Но послание, на мой взгляд, звучит суховаато... Даже сдержанные британцы проявили гораздо больше эмоций, когда весть из Кейптауна достигла их острова.

Кристиан пропустил слова брата мимо ушей, продолжая задумчиво разглаживать листок.

– До Москвы дозвониться почему-то труднее, чем, наверное, до Антарктиды, которая, правда, к нам гораздо ближе. Но я сегодня же наберусь терпения и попытаюсь: очень хочется поблагодарить академика за тёплые слова.

– Разве он понимает по-английски?

– Не беда, поймёт хотя бы по тону моих слов.

А сейчас надо выбрать красивую рамку. Хочу поместить его письмо в моём кабинете рядом с поздравлениями от президентов, премьер-министров и прочих великих деятелей.

Эй, Джейкоб! Отправь-ка водителя в хороший художественный салон. Пусть там ему покажут рамки из натурального дерева ценной породы, самые дорогие. Для документа размером двадцать два на пятнадцать сантиметров, и обязательно с качественным стеклом.

Из приёмника полилась битловская A Day In The Life («Один день в жизни»).

Кристиан оживился:

– Братец, прибавь-ка звук! Эта песенка появилась совсем недавно, но успела стать одной из моих любимых. Когда её слышу, становится легче на душе – будто бабочки порхают.

– Наверняка легче и на сердце. На сердце величайшего кардиохирурга современности! – засмеялся Мариус.

И охотно повернул кругляш на радиоприёмнике до самого упора.

II

...В тускло освещённом помещении мастерской Школы фабрично-заводского ученичества из чёрной картонной «тарелки» звучала задорная мелодия композитора Исаака Дунаевского «Легко на сердце от песни весёлой». В 1934 году она била рекорды популярности в Советском Союзе.

Над небольшим токарным станком склонился вихрастый юноша, почти подросток, в замасленном халате тёмно-синего цвета и самодельных защитных очках. К нему подкрался наголо остриженный такой же чумазый парень. Вытирая руки промасленной ветошью, он звонко крикнул:

– Суши вёсла, Вовка! Пора по домам. Заработались тут.

– Да подожди полчаса, вот закончу эту деталь...

– Опять свои груши точишь? Неужели не надоело? На что только тратишь молодые годы!

В разговор встрял появившийся из-за спины парня пожилой мастер с прокуренными «чапаевскими» усами.

– И чего ты пристаёшь к человеку, Митька? Прямо как банный лист сам знаешь, к какому месту. Володя вытаскивает не грушу, а сердце. Наверде протеза. Может, кому и пригодится. Для такой детали требуется очень тонкая работа, а у Дементьева золотые руки и соколиный глаз. Попомни моё слово, он далеко пойдёт, в отличие от тебя, лоботряса. Токарь – важная, но, как бы это сказать, начальная специальность. Надеюсь, доживу до того дня, когда наш Вовка чем-нибудь прославится, и я буду гордиться, что обучал его в Школе ФЗУ...

– Ну-ну, Ефимыч, за мечты деньги не берут. А что ж ты, будущий Кулибин, не сказал мне, что мастеришь сердце? Неужели человеческое? Давай помогу – две руки хорошо, а четыре лучше.

– Да это пока просто так, баловство. Если не справлюсь – позову тебя на подмогу. Да и Ефимыч всегда готов что-то дельное подсказать. От вас у меня секретов нет, и никогда не будет. Просто не люблю бежать впереди паровоза.

– А вообще-то, Вовка, если откровенно – не верю я в твою затею. Это как же должно получиться – вынул настоящее больное сердце, мясное, вставил стальное, протезное, заштопал живого человека, и он побежал на работу в цех или кочегарить на паровозе, как ни в чём не бывало? Такое никак невозможно. По радио недавно сказали – сам слышал! – что природу не обманешь. Я считаю так: каждому ребёнку сердце делают папка с мамкой. И не на токарном станке! – парень расхохотался и хотел добавить ещё чего-нибудь посолонее.

Но Ефимыч предостерегающе покачал головой, пряча улыбку в усы.

III

В прозекторской в старом здании МГУ на Моховой улице в то утро мигом образовалось настоящее столпотворение – яблоку негде упасть.

В центре помещения, на оцинкованном столе, лежала «распаятая» дворняга с тщательно выбритой и обильно вымазанной раствором йода грудью. Тело крупного животного, опутанное трубочками разного диаметра и проводами разного сечения, замерло под действием глубокого наркоза.

Студенты расступились перед престарелым профессором в старомодном круглом пенсне, белом халате и такой же шапочке, смешно надетой набекрень.

Покряхтывая, он с трудом взобрался в высокое деревянное кресло, чтобы тесно окружившие стол парни и девушки не мешали наблюдать за предстоящей операцией.

– Итак, голубчики-студиозусы – будущие выдающиеся биологи, которые, я надеюсь, совсем скоро прославят отечественную науку, приступаем.

Дементьев, начинай! Посмотрим, как проявит себя это твоё, – о, извини! – собачье механическое чудо-сердце. Имей в виду, что одно дело – теория, и совсем другое – практика. Откровенно говоря, я не очень верю в твою затею. Но не хочу опережать события, а тем более – мешать. Смелость, как известно, города берёт.

Владимир глубоко вздохнул и задержал дыхание. Одна из студенток пододвинула лоток с хирургическими инструментами. Он выбрал самый крупный скальпель. Уверенно, одним движением сделав разрез, протянул руку за маленькой округлой ножовкой и принялся пилить грудину собаки по всей длине. Толстая кость поддавалась с трудом. В прозекторской воцарилась напряжённая тишина, слышалось лишь позвякивание железок, вздохи и неразборчивое бормотание профессора.

Студенты-третьекурсники биологического факультета главного вуза страны, вытягивая шеи и, слегка подталкивая друг друга, наблюдали за происходящим так, словно им посчастливилось стать свидетелями священнодействия. Профессор изредка одобрительно улыбался,

но чаще с сомнением или недовольством качал головой. Однако держался отстранённо, видимо, припасая замечания на потом. Дементьев выпрямился. Поспешно сдёрнул окровавленные резиновые перчатки, белую шапочку и вытер ею вспотевший лоб. Он и остальные студенты, как по команде, повернулись к преподавателю в ожидании его приговора.

– Пульс? Кровообращение? – строго спросил тот.

– Есть, есть! – радостно ответил рыжий парень, дежуривший у изголовья безжизненного тела собаки.

– Ну что ж, подождём минуты две-три. Больше, к сожалению, нам вряд ли понадобится, – уверенно сказал профессор, впериw стёкла пенсне в большие настенные часы.

Все дружно повернулись к стене с белым циферблатом. На его крупных римских цифрах стрелки показывали без двадцати одиннадцать. Раскрасневшееся лицо вихрастого Владимира внешне казалось спокойным, но отражало целую гамму чувств, среди которых преобладала надежда.

Ужасно медленно, будто спотыкаясь, стрелки преодолевали свой заколдованный круг. Но вот они уже показывают ровно одиннадцать. Закусив верхнюю губу, Дементьев застыл в неудобной позе – вполоборота к столу и лицом к часам.

Престарелый наставник упорно молчал, невольно нагнетая нервозность. Некоторые студенты успели разбрестись по небольшому помещению; трое-четверо из-за нехватки стульев сидели на корточках, ещё столько же – прямо на полу, не отрывая взгляда от циферблата.

– Не может быть! Это что-то неправдоподобное, – взвизгнул, наконец, профессор, когда стрелки переместились на половину двенадцатого. – Неужели подопытное животное просуществует целый час? Невероятно, в это трудно поверить!

Студенты начали перешёптываться, а затем и обсуждать вполголоса операцию, свидетелями которой им только что довелось стать.

– Оно всё ещё бьётся! – радостно воскликнул рыжий, стоявший на своём посту у изголовья дворняги, когда часы показали без четверти двенадцать. – Уже шестьдесят пять минут!

– Ура! – заорали студенты. В их дружном хоре нашлось место и профессорскому фальцету.

IV

– Ура! Виват академия! Вивант профессорес! – звучало в тесной комнатёнке общежития МГУ на Стромынке, куда набилось не меньше студентов, чем было в прозекторской.

На столике красовалось щедрое угощение – пять бутылок пива «Жигулёвское», несколько буханок чёрного хлеба, большой кусок сала, присланный кому-то с Украины родителями, и жертвенная пирамидка солёных огурцов, сооружённая усилиями сразу нескольких друзей Дементьева. Скатертью служила запятнанная вареньем газета.

Рыжий парень наполнил стаканы тем, у кого они были, и взял на себя роль тамады:

– Поднимем бокалы пенного напитка за Володьку, нашего будущего гения! Вот это успех – бездомный кобель протянул почти два с половиной часа с металлическим сердцем на месте собственного! Как сказал профессор Золотницкий, он ожидает от тебя многого. А учёные с таким именем в своих прогнозах ошибаются редко. Надеюсь, ты и нас не забудешь на вершине мировой славы!

– Да ладно тебе, Федька. Не вгоняй меня в краску. А если серьёзно – что бы я делал без вашей помощи, ребята?

– Не надо благодарностей, мы всегда готовы помочь, – весело выступил студент, единственный в пиджаке. – Можем даже скинуться по полтиннику, а то и по рублю, если твоему механическому чуду нужны ещё какие-то детали. Так ведь, хлопцы?

– Спасибо, Витёк, скидываться не надо. Но вот если ты захочешь купить мой свитер, связанный мамой, то я готов его уступить.

– А ты в чём останешься? Другого же у тебя нет, да и вряд ли предвидится.

– Зачем он мне, обойдусь. А деньги сейчас и правда очень нужны – на две серебряные пластинки, которыми надо бы заменить жёстянки в механическом сердце. Я высмотрел в комиссионном на Арбате столовый нож и вилку, массивные, из чистого серебра. Их легко расплавить и отлить обе пластины.

– Ну, раз такое дело – беру твой свитер. Тащи его сюда, пока я не передумал! И только если сойдёмся в цене...

Вечеринка обещала затянуться на всю ночь, но в одиннадцать вечера её прервала бдительная вахтёрша, не пожелавшая разделить пирушку студиозусов.

Как назло, в тот вечер дежурила самая несговорчивая и строгая блюстительница общежитской дисциплины.

V

Очередное заседание учёного совета МГУ ожидалось как вполне рядовое, рутинное, и должно было уложиться в отведённое время. Семестр оказался довольно спокойным, без громких научных открытий, но и, слава богу, без серьёзных чрезвычайных происшествий, которые для краткости именовались ЧП.

– В заключение, коллеги, заслушаем краткий доклад товарища Золотницкого. Нет возражений? – ректор окинул присутствующих строгим взглядом. Он предназначался тем, кто украдкой начал позёвывать и поглядывать на часы.

Возражений никто не высказал. К массивному овальному столу из карельской берёзы решительно приблизился престарелый профессор в пенсне. Он суетливо порылся в чёрной дерматиновой сумке, достал грушевидный предмет с торчащими в разные стороны резиновыми трубочками и разноцветными электрическими проводами.

Торжественно поднял его обеими руками над головой.

– Уважаемые товарищи, дорогие коллеги! Мне довелось стать свидетелем поистине невероятного, а, можно даже сказать, исторического события, в которое я и сам ещё недавно отказывался поверить.

Вот в чём суть дела. Пытливый паренёк по фамилии Дементьев, из крестьян, третьекурсник нашего факультета с отделения «Физиология животных», сконструировал и своими руками слепил вот эту штуковину, которую назвал ни много – ни мало механическим сердцем. И оно смогло временно взять на себя функции живого сердца собаки! В результате самая обыкновенная, тощая шелудивая дворняга, прожила с этой примитивной механикой два часа и двадцать семь минут!

Присутствующие недоумённо переглянулись. Нависла продолжительная неловкая тишина, которую нарушил, наконец, басовитый голос:

– Коллега, Вы, наверное, хотите сказать, что эта штуковина не заменила сердце пса, а была подключена к его телу, и не успела его умертвить. Пожалуйста, формулируйте свои мысли чётче, чтобы не вводить нас в заблуждение и не терять время на пустяки, – нахмурившись, изрёк седовласый профессор с горделивой бородкой клинышком.

– В том-то и дело, что предварительно из грудной клетки подопытного животного было извлечено его собственное сердце! Повторюсь – я присутствовал на эксперименте от начала до конца и видел это собственными глазами. Как и то, что собака просуществовала без малого два с половиной часа! Невероятно, но факт...

– И что этот факт означает для отечественной науки или практики, позвольте Вас спросить? – вскинулся молодой профессор. – Я как декан медицинского факультета смею

утверждать, что это похоже на чистую случайность – вам попало редкое по выносливости животное. Его предсмертные конвульсии необычно затянулись, а вы, биологи, приняли это за продолжение жизни.

– Да, вполне вероятно, – поддержал коллегу тучный декан физического факультета. – Речь в этом случае может идти о некой механистической инерции организма, вызванной выбросом накопленной собакой энергии...

– А мне, как историку, позвольте поинтересоваться совсем другим, но не менее важным аспектом, – не упустил возможности напомнить о себе заместитель декана исторического факультета. – Какова цель данных опытов на биологическом факультете? Чему там учат студентов? Чего хотят добиться преподаватели, в чём состоит, так сказать, потенциальная материальная отдача, их вклад в строительство социалистического общества в нашем Отечестве? Какими достижениями университет сможет отрапортовать товарищу Сталину теперь, ровно через двадцать лет после победы Великого Октября? И, наконец, зачем будущие биологи издеваются над самыми верными друзьями человека, подвергая их мучительным предсмертным пыткам? Это, по меньшей мере, омерзительно! Какая-то бесовщина, честное слово!

– Мне кажется, – неуверенно возразил профессор Золотницкий, – что это первый в мире удачный опыт по замене такого жизненно важного органа, как сердце. Наш эксперимент может означать преодоление какого-то научного рубежа. Сначала тщательно разрабатывается техника по подмене большого сердца у животных, а потом – как знать? – и у людей. Конечно, в очень далёком будущем, быть может, лет через сто...

– Вот тогда-то и придётся всем нам собраться здесь снова, чтобы подробно обсудить всемирное достижение наших пионеров биологической науки. А пока это – чистой воды блеф! – выкрикнул замдекана исторического факультета.

В зале раздался сдержанный смех, постепенно переросший в громкий хохот. Ректор с большим трудом сохранял серьёзное выражение лица. Но вскоре и он украдкой вытер уголки глаз носовым платком. Встав, громко сказал:

– Объявляю заседание учёного совета закрытым. Всем спасибо за плодотворную работу, товарищи! До новой встречи в этом зале. Она непременно состоится, и, смею вас заверить, ещё в этом столетии.

Усталые, но довольные, учёные мужи весёлой гурьбой направились к высоченным дверям.

VI

Летом 1941-го мужская часть бывших сокурсников Дементьева добровольно явилась на призывные пункты. И почти всех вчерашних студентов, за исключением парней, забракованных даже не слишком придирчивой медицинской комиссией по причине близорукости и прочих недугов, отправили на фронт.

Одним из первых отбыл Владимир. И сразу же попал в крупный передвижной госпиталь, в котором помогал опытным хирургам. Совсем скоро ему стали доверять несложные операции. Особенно горячие деньки выдались в сражении на Курской дуге, где танки полыхали, как спичечные коробки. Зачастую вместе с танкистами...

Он терял немало друзей и коллег, а сам был словно заговорён от смерти и даже ранений. Правда, пережил одну контузию, когда снаряд взорвался в опасной близости, но это же пустяк для последствий «мясорубки», в какой его угораздило оказаться. Зимой 1944 года мало кто сомневался в исходе Великой Отечественной, а значит, и Второй мировой войны: вожди союзных держав вовсю кроили будущую политическую карту Европы. Однако на отдельных фронтах гитлеровцы всё ещё оказывали очень упорное, самоубийственное сопротивление частям Советской Армии.

Дементьев трудился в небольшом военном госпитале и уже пару лет слыл хирургом «с лёгкой рукой». Впрочем, ему приходилось не только много оперировать, но и работать патологоанатомом, терапевтом, пульмонологом, психиатром и далее по списку медицинских специальностей.

В тот поздний вечер, под неумолчный грохот канонады, бывший токарь Сталинградского тракторного завода и выпускник-отличник биологического факультета МГУ, был в белом халате, накинутом поверх шинели. Он не успел заснуть, когда потребовалось срочно прооперировать тяжело раненного солдата.

Владимиру помогал ещё более молодой медбрат.

– Товарищ лейтенант, у меня от холода уже руки не слушаются. Этот – последний на сегодня?

– Если не доставят с передовой ещё кого-то. Но даже если никого не привезут, мне этой ночью всё равно понадобится твоя помощь. Ты же знаешь, мне не справиться одному. Отоспимся после победы, она уже не за горами.

– Опять будем до утра возиться с трупами?

– Выбирай выражения. Что значит – возиться? Мы будем делать сложные медицинские опыты с телами некоторых погибших безвестных бойцов. Чтобы потом обеспечивать выживаемость смертельно раненым товарищам, снова ставить их на ноги. И чтобы вернувшиеся с того света солдаты и офицеры опять могли сражаться с врагом. Или в мирное время надёжно охранять границы Советского Союза от будущих агрессоров.

– Вы уверены, доктор, что это у нас когда-нибудь получится?

– Обязательно получится, мы на правильном пути. Не сомневайся, Сашок! От нас с тобой требуется только старание. И упорство, ведь, как верно гласит народная мудрость, «терпение и труд всё перетрут».

Саша тяжело вздохнул. Приказы старших по званию не обсуждаются.

Значит, предстоит ещё одна бессонная ночь.

VII

Закончив операцию, немного отдохнув и выпив кипятка с сахаром вприкуску, они перешли в просторную брезентовую палатку.

Слабо светились, часто мигая, несколько маленьких электрических лампочек. Под ними вытянулся длинный стол, наспех сколоченный из досок. Вдоль двух стен палатки штабелями лежали трупы погибших красноармейцев. Почти непрерывно доносились взрывы снарядов, слышалось бульканье пулёмётных очередей и сухой треск автоматов.

Владимир внимательно осмотрел тела. Выбрал труп тщедушного юноши и кивнул помощнику. Вдвоём они уложили его на стол, сняли пропитанную кровью гимнастёрку.

— Кажись, мой ровесник, а то и помладше будет. Эх его продырявили фрицы, патронов не пожалели, – заметил санитар.

Дементьев молча взял короткую, с широким лезвием, «ножовку» — точно такую же, как в университетской прозекторской, — и начал пилить вдоль грудину убитого солдата.

Саша подвёз на самодельной тележке к изголовью стола огромный танковый аккумулятор. Приладил к нему пару толстых электрических проводов, которые заканчивались алюминиевыми полусферами от двух столовых ложек.

Он помог хирургу раздвинуть посередине грудную клетку погибшего бойца и зафиксировать её в таком положении с помощью тщательно отполированного деревянного бруска.

Владимир несколькими ловкими движениями удалил сердце убитого и положил его в эмалированный лоток.

Медбрат принёс трёхлитровую стеклянную банку, в мутной жидкости которой угадывалось человеческое сердце. Поставил сосуд на стол перед врачом.

Тот осторожно извлёк чужой орган, поместил его в грудную клетку трупа и начал быстро сшивать сосуды согнутой иглой, работая, в основном, на ощупь.

Кропотливое занятие потребовало всего несколько минут – по всей видимости, подобные эксперименты проводились много раз. Хирург приложил алюминиевые ложки к двум противоположным сторонам пересаженного сердца, и скомандовал:

– Включай дефибрилятор!

Раздался громкий щелчок электрического разряда. Тело убитого сильно вздрогнуло, почти подпрыгнуло на столе.

Попытку заставить биться пересаженное сердце после коротких пауз повторили ещё несколько раз. Но добиться сокращений донорского органа не удалось.

Тело красноармейца с забинтованной грудью бережно вернули на место. Саша постоял рядом. Тяжело вздохнув, вывез аккумулятор из палатки.

Владимир задумался. Затем, отпустив помощника спать, принялся лихорадочно строчить «химическим» карандашом в толстой «амбарной» книге.

Отдохнуть и в ту ночь не случилось.

VIII

Послевоенная Москва неласково, а то и почти враждебно встречала многих вчерашних фронтовиков.

Столица ошетибилась строительными лесами, ей срочно требовались созидатели едва ли не всех профессий, но большинство вояк привыкли разрушать и успели подрастерять мирные специальности. На бывших тыловиков, ставших влиятельными бюрократами, не слишком сильное впечатление производили ордена, медали и орденские колодки, украшавшие кители и гимнастёрки демобилизованных...

«А кому теперь легко?» – утешал себя, как мог, Дементьев. Он не ныл и не жаловался на судьбу. Сегодня предстояла очередная попытка устроиться на работу. Все предыдущие почему-то закончились ничем.

Вот бы повезло на этот раз!

В гимнастёрке без погон, в галифе и сапогах, Владимир вошёл в кабинет главного врача одной из столичных больниц. На вид тот был, пожалуй, одних лет с ним, но бросалось в глаза, что военные годы прошли для него гораздо более гладко и сытно. «Упитанный товарищ. Из тех, кто дружат с физкультурой и умеют жонглировать тремя пудовыми гирями», – почему-то промелькнуло в голове.

– Здравствуйте! Я – старший лейтенант запаса военно-медицинской службы Владимир Петрович Дементьев. Звонил на прошлой неделе, и Вы назначили мне встречу на сегодняшнее утро.

– Присаживайтесь, – главврач, снисходительно кивнув, остановил на посетителе пытливый взгляд. – Да, припоминаю. Нам действительно очень нужны специалисты-практики, особенно хирурги. Ну и патологоанатомы по совместительству – Вы ведь согласитесь поработать какое-то время в морге?

Владимир кивнул.

– Правда, тут вдруг возникла одна серьёзная заковыка.

Главврач выдержал длинную паузу, почему-то сильно напрягшую Дементьева. Сокрушённо вздохнув, хозяин кабинета продолжил:

– Вчера я внимательно ознакомился с Вашим послужным списком. Причём, с подробным вариантом – Вы меня понимаете? – и обнаружил одну неприятную деталь.

В личном деле засвидетельствовано, что на фронте Вы работали много и хорошо, в нескольких госпиталях и, как говорится, прошли всю войну от звонка до звонка. Но кто-то письменно доложил куда надо, что подозревает Вас в возможном проведении хирургических опытов на трупах наших солдат и офицеров, которые были не совсем трупами...

– То есть как это – не совсем трупы?! Не понимаю.

– Ну, называя вещи своими именами, Вы якобы экспериментировали над телами ещё не скончавшихся красноармейцев. Точнее, над людьми, смерть которых официально не была зафиксирована и юридически зарегистрирована.

– И кто же, кроме военных медиков, должен был её официально фиксировать и юридически регистрировать под пулями и бомбами?! Может, судьи, юристы и адвокаты, срочно доставленные на фронт, в окопы, прямиком из Москвы?

– Не знаю, не знаю... И не хочу знать. Я в окопах не сидел. Но и не отлынивал, а, как теперь говорят, ковал великую победу в глубоком тылу. И горжусь этим.

– Какой абсурдный навет! Я же работал врачом, спасал жизни нашим героям. Сам был контужен фашистским снарядом. Разве мог поднять руку на кого-то из наших?

– Охотно готов Вам поверить. Но сначала правоту требуется доказать в соответствующих органах. Так сказать, очистить послужной список от, как Вы выразились, навета. Понимаете?

Ну а потом приходите, милости просим. Буду рад. У меня дефицит опытных специалистов.

IX

Покинув кабинет главврача, Владимир кипел от возмущения и бессильной злобы. Неужели это правда?! Кто из бывших коллег-фронтовиков оказался способен оклеветать его таким мерзким образом? Мысленно перелистав воображаемый фотоальбом с их лицами, он не смог заподозрить в подлости ни одного знакомого по прошлой жизни. И чего теперь ждать от судьбы, если эта ложь угнездилась в каком-то секретном персональном досье? Как минимум – придётся распрощаться с любимой профессией.

Дементьев с горечью размышлял об этом в автобусе, который, чихая вонючими клубами дыма, двигался натужными рывками по улице Горького в сторону Белорусского вокзала, когда раздался радостный возглас:

– Доктор, Вы ли это? Сколько лет, сколько зим, а мы с Вами ещё живы, курилки!

Владимир поправил очки и близоруко присмотрелся к немолодому майору, китель которого был усеян орденами. На самом видном месте, сверкая золотом, красовалась Звезда Героя Советского Союза.

Офицер пробрался через плотно стоявших пассажиров, крепко пожал и долго тряс руку Дементьева.

– Как же я рад Вас видеть, доктор! Как жизнь? Давайте выйдем на ближайшей остановке и хлопнем за встречу по сто грамм фронтовых. Я угощаю.

Они вошли в довоенную закусочную и успели занять места за высоким столиком. Тарелку украсило единственно доступное кулинарное блюдо – бутерброды из чёрного хлеба и селёдки.

Майор наполнил гранёные стаканы водкой.

– Жизнь прекрасна и удивительна, как метко сказал величайший из поэтов, сам проживший до обидного мало и пустивший себе пулю в висок. Она, наша жизнь, особенно расчудесна, если ты дважды вернулся с того света.

Первый раз оттуда вытащили меня Вы, доктор. Я Ваш должник по самый гроб. А второй раз, когда меня угораздило получить пулю из «шмайссера» почти точно в самое сердце – уже в Берлине, за четыре дня до капитуляции фрицев, – спас сам главный военный хирург Александр Васильевич Вишневский. Он так заинтересовался моим редкостным ранением, а ско-

рее, выживанием, что лично сделал операцию и собственноручно меня выхаживал. И мы даже успели подружиться. Да что я всё о себе!

Давайте-ка ещё по пятьдесят грамм, и Вы расскажете, как привыкаете к мирной жизни в Москве.

– Да рассказывать-то особо нечего. Временно тружусь санитаром в районной больнице – замещаю постоянного коллегу. Снимаю комнату в коммунальной квартире на окраине. Когда не дежурю – ставлю кое-какие опыты. Правда, комнатёнка тесновата и мебели почти нет, но всё-таки собираюсь жениться.

Может, помните медсестру Лизу? Моя фронтовая подруга. С ней мне очень повезло, она переносит все тяготы, а главное – поддерживает меня морально. В общем, живу – не тужу, не хуже и не лучше других москвичей...

– Работаете медбратом? Вы?!

– Так получилось. Долго обивал пороги столичных госпиталей, больниц и клиник, а потом плюнул. Но сегодня снова попытался – и опять от ворот поворот. Всюду – отказы без объяснения причин. Видно, не вышел физиономией или фамилией. Какое-то время пришлось носильщиком на Ярославском вокзале поработать.

– Но Вы ведь хирург от бога, это знали все! Нет, дорогой товарищ доктор, с такой несправедливостью надо покончить немедленно. Ваши хождения по мукам должны прекратиться!

Я заброшу словцо Александру Васильевичу в ближайшие дни.

– Что Вы, что Вы, Юра! Не надо, прошу Вас. Неудобно беспокоить такого большого человека. Кто – он, и кто – я?!

– Это моя проблема. И решать её мне.

Х

Дементьев робко переступил порог внушительного кабинета руководителя Института экспериментальной и клинической хирургии. В кресле за старинным столом, под парадным портретом Сталина, вальяжно разместился тучный пожилой, усталый человек в кителе с генеральскими погонами военно-медицинской службы.

Вот он какой, академик А. В. Вишневецкий собственной персоной! Владимир столько слышал о нём, а теперь предстояла беседа с глаза на глаз с великим врачом-легендой.

– Так-так, молодой человек. Значит, Вы решили посвятить себя экспериментальной медицине. Да ещё трансплантологии. А представляете ли себе, сколь трудна избранная Вами стезя? В науке она – одна из самых тяжёлых, неблагодарных и к тому же находится лишь в зачаточном состоянии.

Многие врачи у нас, да и за границей, люди с громким именем, вообще считают это занятие не только бесперспективным, но и – страшно сказать! – аморальным. Готовы ли Вы к неудачам, провалам и к нападкам многих «доброжелателей»? Вытерпеть такое могут только одержимые.

– Я с детства очень терпеливый, Александр Васильевич. У меня крестьянская закваска – родом я из донской станицы. А казаки не дрейфят, трудностей не боятся и никогда не сдаются.

– Вот это мне по душе!

Конечно, меня заинтересовали опыты на животных, которые Вы давно и настойчиво проводите. Но сегодня ещё более фантастической, чем удачная пересадка сердца собаке, представляется успешная трансплантация этого органа в комплексе с лёгкими. И чтобы животное просуществовало хотя бы несколько часов. Вот это стало бы великим достижением, прославляющим советскую медицину на весь мир!

– Наверное, пока рано говорить, но сейчас я как раз подбираюсь к такому эксперименту. В теории уже чётко всё себе представляю, на бумаге обозначил неизбежные роковые «узлы». Занимаюсь поиском их развязки...

– Прекрасно! Ну что ж, я распоряжусь устроить под лабораторию небольшое помещение и выделю помощника. Посмотрим, посмотрим... Да, пока не забыл: медицинские препараты и перевязочные материалы прошу расходовать максимально экономно, нам не всегда хватает и для пациентов. Надеюсь получать от Вас регулярные отчёты о проделанной работе, скажем, в конце каждого месяца. Зайдите к кадровикам и приступайте к делу, не теряя времени.

Желаю успеха!

XI

Утром следующего дня в кабинет Вишневого вошла взволнованная пожилая секретарша. Наклонившись к сидевшему в рабочем кресле академику, она что-то тихо сказала.

– А, незваные гости! Да ещё спозаранку. Пусть войдут. Но не забудьте предупредить, что у меня для них не больше пяти минут.

Порог осторожно переступили мужчина и женщина чиновничьего вида. Обоим – лет по сорок, не больше. Тщательно прикрыли дверь.

– Здравствуйте, глубокоуважаемый Александр Васильевич! – заискивающе улыбаясь, сказала женщина. – Руководство министерства поручило нам узнать, как идут дела в Вашем институте, не нуждается ли он в дополнительной поддержке. Учитывая важное значение вверенной Вам организации...

– Здравствуйте, здравствуйте, – небрежно прервал её хозяин кабинета, не предложив гостям сесть. – Неужели вы сподобились нанести нам столь ранний визит ради ответов лишь на эти дежурные вопросы? Да ещё не предупредив заранее. Выкладывайте, зачем пожаловали, не тяните резину, у меня скоро обход.

Чиновники смущённо переглянулись; женщина едва заметно подтолкнула своего спутника локтём. Тот, запинаясь, затараторил:

– Уважаемый Александр Васильевич, руководству стало известно, что Вы приютили у себя некоего экспериментатора в области трансплантологии, у которого репутация на прежней службе оказалась сильно подмоченной. Вряд ли такому знаменитому учреждению, как Ваше, стоит допускать в свой замечательный коллектив подобных сотрудников. К тому же сами эти его эксперименты сомнительны и скорее всего, ведут в тупик...

– Что значит – репутация подмочена?

Своими полезнейшими очень смелыми опытами и разнообразной научной работой товарищ Дементьев – вы ведь, несомненно, его имеете в виду – собственную репутацию в любом случае успел не только подсушить, но и высушить.

Если это вообще не клевета на молодого учёного.

– Но в министерстве полагают...

– Пусть служащие министерства занимаются своими бумажными делами, а мы будем заниматься своими, лечить больных. И сами решать, кого нам брать на работу, а кого увольнять.

У вас – всё? У меня нет времени на пустопорожние беседы. Благодарю за ранний визит, вы свободны.

И не забудьте передать привет товарищу министру.

XII

Первая Всесоюзная конференция по грудной хирургии собрала в Москве немало участников. Этот форум готовили как очень важное событие, ожидалось много «прорывных» докладов. Плодотворной обещала стать и дискуссия светил в этой перспективной области медицины.

Ближе к заключительной части конференции слово предоставили Владимиру Петровичу Дементьеву. Он мгновенно завладел вниманием переполненного зала: часть аудитории – врачи, студенты медицинских вузов и чиновники – прилежно конспектировала его доклад, другая недоумённо переглядывалась и перешёптывалась. Кое-где среди соседей вспыхивали споры и перепалки. Шум нарастал, в нём безнадёжно тонул глуховатый голос оратора.

Председательствующий раздражённо постучал карандашом по графину с водой.

– Тише, товарищи! Давайте проявим уважение к коллеге. Желающим выступить я готов предоставить слово, но надо соблюдать регламент.

И, обращаясь к докладчику:

– Сколько минут ещё потребуется?

– Минуту, не больше, я почти закончил. Но в заключение хотел бы показать короткую любительскую киносъёмку.

В зале погас свет, и на куцем тканевом экране появились неумело снятые, трясущиеся чёрно-белые кадры, запечатлевшие операцию по пересадке собаке донорских сердца и лёгких. Следующий фрагмент показывал, как, едва очнувшись от наркоза, животное самостоятельно встаёт, медленно, пошатываясь, бредёт к миске и жадно лакает воду.

В зале поднялся шум, послышались удивлённые возгласы.

– Вот так кино! И сколько же часов просуществовала эта собачка? – раздался громкий голос.

– Ровно двое суток, – невозмутимо ответил Дементьев. – Однако причина смерти пока не совсем ясна, я подробно изучаю биологические данные организма пост-мортем.

– А не кажется ли Вам, уважаемый коллега, что подобные опыты – это более чем странный путь для современной медицины? Ну, добьётесь продления жизни смертельно больным животным ещё на пару суток, а дальше что? – спросил начальственным басом некий явно уверенный в себе делегат конференции.

Вопрос из зала потонул в одобрительных криках и хлипких аплодисментах.

Докладчик стушевался, надолго умолк, потом забормотал что-то неразборчивое, оставаясь на трибуне.

Председательствующий с трудом смог перекричать шум:

– Слово попросил доктор Бакулев. Прошу полной тишины!

На сцену неторопливо, солидно поднялся знаменитый кардиохирург Александр Бакулев.

– Уважаемые товарищи! Я хотел бы поздравить нашего молодого коллегу с этим важным достижением. Да, услышанное, а тем более увиденное здесь на экране, убедило меня, что это несомненный крупный успех всей советской медицины и даже, если хотите, мировой хирургии в целом!

Скажу больше. Судя по всему, наш молодой коллега не просто разработал разновидность новой хирургической технологии, он заложил основу целой философии, опирающейся на законы природы.

Нам остаётся пожелать Дементьеву ни в коем случае не останавливаться на достигнутом и с удвоенной энергией продолжать удивительные опыты.

Зал замер в раздумье, а потом взорвался долгими аплодисментами.

Смущённый Владимир торопливо покинул трибуну.

XIII

Напутствие сверхавторитетного в те годы Бакулева придало Дементьеву так не хватавшей ему уверенности. В голове сразу же зародился план ещё более дерзкого эксперимента. Ранним утром, мурлыча весёлую мелодию, он привычно распахнул дверь своей лаборатории. Но вместо помощника, всегда приходившего на полчаса раньше, в крошечной прихожей его встретил кадровик.

– Добрый день, глубокоуважаемый Владимир Петрович. Хотя... какой уж там добрый!

– А что стряслось?

Кадровик немного помялся и выдавил из себя:

– Мне велели доложить Вам, что эта лаборатория закрывается. Точнее, в связи с кончиной академика Александра Васильевича Вишневого её решено перепрофилировать. А других подходящих помещений в институте, к сожалению, нет.

Но самая плохая новость – Ваша ставка ликвидируется уже с завтрашнего дня. Если бы я мог что-то для Вас сделать, то, не сомневайтесь, не пожалел бы усилий...

Однако теперь главная задача нашего института, как Вам известно, – создание методов обезболивания при хирургии сердца и лёгких, а не их пересадка. Так что ни один трансплантолог больше не потребуется.

Дементьев, успевший снять пальто лишь с одного плеча, помрачнел и задумался.

– Понятно, – вздохнув, с трудом произнёс он. – Вы тут совершенно ни при чём. Спасибо за участие. Я соберу свои пожитки сейчас же, не беспокойтесь.

Да мне и собирать-то кроме бортовых журналов нечего.

XIV

Как ни странно, работу уволенный нашёл довольно быстро, да не где-нибудь, а в Первом Московском медицинском институте имени И. М. Сеченова. Когда-то должно же было повезти!

Но радость Владимира была недолгой – вскоре директор вуза начал всячески гнобить исследователя, увидев в нём перспективного конкурента. Под разными, иногда взаимоисключающими предложениями, институтские начальники не допустили Дементьева к защите давно готовой диссертации – об экспериментальной пересадке жизненно важных органов – на соискание звания кандидата медицинских наук. Через несколько лет он был вынужден покинуть этот храм науки и устроиться в Институт скорой помощи имени Н. В. Склифосовского.

Впрочем, как гласит пословица, нет худа без добра: Владимир сумел защитить свою диссертацию на биологическом факультете МГУ. Да ещё как! В один день стал сначала кандидатом, а потом, совершенно неожиданно, и доктором биологических наук – так высоко оценил его вклад в науку учёный совет факультета. Из кандидатов через пару часов в доктора – поистине уникальный случай!

В «Склифе» Дементьев быстро зарекомендовал себя одним из ведущих сотрудников. Заниматься опытами в области трансплантологии ему не помогли, но и, к счастью, не мешали. Относились, скорее, как к забавному хобби, чудачеству, на всякий случай выделив под лабораторию пустовавшее помещение...

Вот почему приглашение из Мюнхена «глубокоуважаемому герру доктору Владимиру Дементьеву» на соответствующий международный симпозиум стало для него, а тем более – для руководства института – полной неожиданностью.

Выезд за рубеж оформляли, по тогдашним правилам, как в рай или на другую планету. Но вот все круги партийно-бюрократического ада (включая обязательное прохождение придирчивой комиссии старых большевиков в районном комитете КПСС) остались позади. Скоро можно будет воскликнуть: «Здравствуй, таинственная, притягательная и пугающая заграница! И не какая-то там Болгария („Курица – не птица, Болгария – не заграница“ – гласила в совет-

ские времена шутовская поговорка), а самая что ни на есть на-сто-ящая, да ещё – Федеративная Республика Германия».

В вестибюле мюнхенской клиники, где проходил этот крупный научно-практический форум, Владимира встретила большая афиша с надписью на немецком и английском языках: **«Международный симпозиум по трансплантологии»**. Чуть ниже – чёрно-белая фотография улыбающегося доктора Дементьева в белой шапочке и подпись: **«Среди участников – советский кудесник пересадок жизненно-важных органов животным»**. Ещё ниже – фото одной из его двухголовых собак.

Огромный актовый зал не смог вместить всех желающих; люди подпирали его стены и теснились в коридоре.

Председательствующий, известный немецкий хирург, объявил в микрофон:

– Уважаемые коллеги, давайте поприветствуем господина Дементьева, представителя московского Института скорой помощи имени Склифосовского. И даже попробуем предоставить ему слово. Приглашая советского доктора на наш симпозиум, мы почти не надеялись на его приезд в Мюнхен, и поэтому не включили заранее в список ораторов. Наша вина, каемся!

Открою секрет: он очень скромный человек и вчера, несмотря на мои настойчивые просьбы, наотрез отказался даже ответить на наши расспросы. И тем более не стал давать интервью никому из осаждавших его в гостинице многочисленных газетчиков. Но я надеюсь, что если мы дружно попросим коллегу сейчас выйти сюда, он согласится сказать хотя бы несколько слов о своих невероятных экспериментах, которые сделали его мировым лидером в области нашей науки!

Все встали и громко, от души зааплодировали. Молодой немец-переводчик взял Дементьева под руку и чуть ли не силой увлёк к трибуне. Владимир начал говорить, сбиваясь и запинаясь, но вскоре раскрепостился, и переводчик едва успевал за его речью.

Окончив импровизированное выступление, советский хирург под овацию спустился в зал. Его окружили иностранные коллеги. Рукопожатия, дружеское похлопывание по плечу, множество протянутых визитных карточек, блокнотов для получения автографа... Дементьев снова растерялся и робко отвечал на поздравления.

Но тут его и переводчика вежливо отвели в сторону два солидных господина.

– Переведите как можно точнее наши слова русскому учёному, – попросил один из них. – Сообщите, что мы были бы счастливы предложить ему поработать в нашей клинике – любой подходящий для него период и в любое удобное время. Предоставим в его распоряжение самую современную лабораторию Европы, хорошо обученный вспомогательный персонал, передовую медицинскую технику, любых животных для экспериментов.

Ну и, конечно, достойное жалование – пусть он сам назовёт приемлемую для него сумму, а мы постараемся её обеспечить.

Готовы подписать контракт уже сегодня.

Внимательно выслушав переводчика, Дементьев вздохнул:

– Спасибо, уважаемые господа, за ваше заманчивое предложение.

Но у меня слишком много дел и забот дома. Не могу бросить начатое, я не привык останавливаться на полпути.

И потом, как я посмотрю в глаза трём моим двухголовым собачкам, если останусь здесь? Они наверняка очень соскучились и с нетерпением меня ждут. Шесть пар опечаленных долгой разлукой глаз... Только представьте!

К тому же я уже купил им кое-какие немецкие гостинцы – скоропортящиеся деликатесы, и хочу привезти их свежими.

Так что, извините, но мне пора в Москву.

Это крошечное полуподвальное помещение по соседству с моргом, в одном из старинных зданий Института скорой помощи имени Склифосовского, считалось, скорее, заброшенным; его использовали крайне редко. Выложенный истёртыми, когда-то белыми кирпичами, сырой пол. Растрескавшийся мрачный серый кафель на стенах. Слабое электрическое освещение. Полноправным хозяином здесь чувствовал себя стоявший посередине длинный оцинкованный стол.

В тот день вокруг него суетились Владимир Дементьев, четыре иностранца и молодой советский переводчик. Среди гостей высоким ростом и актёрской внешностью выделялся господин, назвавшийся Кристианом Барнардом.

– Скажите им, что перед сложным и таким важным экспериментом, который продлится часов пять-шесть, по существующей у нас традиции не худо подкрепиться. Если, конечно, гости не побрезгуют обстановкой и скромной трапезой. Чем богаты – тому и рады, – улыбаясь отеческой улыбкой, обратился к переводчику Дементьев.

В операционную протиснулся внушительных габаритов санитар. Поверх белого халата на нём было синее пальто с меховым воротником, в руках – распухшая тяжёлая «авоська». Он по-хозяйски подошёл к столу, тщательно разостлал газету «Правда». Аккуратно расставил шесть бутылок кефира, положил несколько батонов и большой кусок «докторской» колбасы, завернутый в толстую серую бумагу. Достал из стенного шкафчика скальпель, небрежно вытер его тканевой салфеткой и принялся нарезать белый хлеб и колбасу.

– Угощайтесь! – пригласил хирург.

Он извлёк из-под стола гранёные стаканы, которые вместе с медбратам ловко наполнил кефиром.

Все дружно чокнулись за успех предстоящего опыта. С аппетитом выпили кефир и «закусили» бутербродами.

Дементьев велел переводчику:

– Расспросите мистера Барнарда, как ему всё-таки удалось проникнуть в Москву, а затем и сюда, к нам?

Переводчик коротко побеседовал с Кристианом и поведал:

– Когда ему отказали в советской визе – ведь у нас нет дипломатических отношений с Южно-Африканской Республикой, – он пошёл на хитрость: запросил визу в Лондоне. И как любой желающий, по туристической путёвке прибыл к нам с группой попутчиков, пожилых англичан.

А найти лабораторию, по его словам, оказалось нетрудно, ведь на Западе гремит слава о Вас и Ваших двухголовых собаках. Там всё ещё смакуют сообщение о том, как слабонервный русский фоторепортёр грохнулся в обморок, впервые увидев такое животное... В британском посольстве в Москве господину Барнард дали адрес «Склифосовского». Он взял такси – и сюда. В клинике пристроился к этим трём стажёрам из Восточной Германии и явился к Вам.

– Ну и ну, смелость не только города, но и лаборатории берёт! А не рискует ли наш подпольный гость, чего недоброго?

– Я задал ему примерно такой же вопрос. Он отмахнулся в том духе, что игра стоит свеч. Мол, за пару дней он так многому у Вас наверняка научится, что можно будет и пострадать в случае чего.

Да, и ещё он поинтересовался – не навредит ли Вам своей молниеносной стажировкой.

– Мне? Мне уже нечего опасаться. Я и так невыездной после посещения этого чёртового Мюнхена – якобы поделился с немцами государственной тайной в области медицины, и чуть ли не собиравшись там остаться. Всё равно теперь работаю почти нелегально. Но это не для перевода иностранцам, боже упаси!

Кстати, уточните у южноафриканского «лазутчика», что интересует его в наших опытах в первую очередь?

Переводчик пошептался с Барнардом на английском, и доложил:

– Прежде всего, разумеется, секрет успешного вживления второй головы собакам – их фактического превращения в сямских близнецов. Но несколько не меньше – метод аортокоронарного шунтирования. За границей все считают Вас пионером в этой области. Ведь именно Вы ещё в 1952 году первым додумались вшить часть внутренней грудной артерии в коронарную, пояснил мне мистер Барнард. А теперь он очень хочет позаимствовать этот ценный опыт из первых рук, чтобы научиться спасать обречённых на скорую смерть людей. И посоветовал, что до сих пор ему удаётся только замена сердечного клапана.

– Понятно. Ну что же, господа-товарищи, наш торжественный банкет завершён. Приступаем к делу.

Игорь, ввози собачек!

Все быстро надели марлевые маски, поправили белые шапочки и помогли друг другу натянуть резиновые перчатки.

XVI

– Подлецы, подлецы! Нет, какие же они подлецы! Ну, просто пёсьи головы!

Разгорячённый Дементьев втиснулся в крошечный коридор своей однокомнатной квартиры, не переставая громко возмущаться. Навстречу поспешила жена Лиза. Её обычно спокойное добродушное лицо выражало тревогу.

– Что стряслось, Володенька? Опять неприятности на работе?

– Ах, какие же негодяи! Чем он им помешал? Они убили моего Тришку!

– Не может быть! Ты уверен?

– Никто ничего не видел, не слышал и не знает. Но сторож шепнул мне, что Тришка с проломленным черепом, уже мертвый, валялся во дворе института, возле лаборатории. А потом кто-то – сторож не говорит, кто, – приказал ему тело убрать. Что он и сделал.

И зачем мы выпускали Тришку гулять без присмотра... Ведь он был знаменитостью, о нём писали в иностранных журналах. Вполне здоровый, жизнерадостный, с прекрасным аппетитом.

– Кому же эта расправа понадобилась? Кто из коллег так сильно тебе завидует и ненавидит твоих животных?

– Откуда мне знать? Главное, что Тришка прожил уже больше четырёх месяцев с двумя сердцами в грудной полости, и, я уверен, мог бы протянуть ещё немало. Но кому-то помешал.

Вот пёсьи головы! Они не останавливаются ни перед чем, лишь бы покончить с развитием трансплантологии. А ведь за ней будущее советской и мировой медицины. Но если этого не понимают в министерстве – всё пропало! Указилровка сверху священна.

– Значит, мщение исходит от Минздрава?

– Не знаю, не берусь утверждать, ведь не пойман – не вор. Но чиновная братия и некоторые коллеги чувствуют, откуда ветер дует.

Не стал говорить тебе полгода назад, что я наотрез отказался сделать министра соавтором моей монографии «Пересадка жизненно-важных органов в эксперименте». Вот она и валяется у нас дома. А теперь ещё и убийство Тришки...

– И что ты собираешься делать? Уже обращался в милицию?

– Зачем? Бесполезно. Тришку не вернуть же.

Жена на минуту задумалась и решительно сказала:

– Выход есть! Давай брать собак сразу же после операции к себе домой. Конечно, только по одной. Будем выхаживать здесь, так безопаснее.

– Здесь?! В наших хоромы? А что скажут соседи?

– Соседей я беру на себя. Как-нибудь умаслю.

– Но тогда придётся и кормёжку животных взять на себя. А разве сможем вписаться в мою девяносторублёвую зарплату младшего научного сотрудника?..

Хотя можно ведь сдать в комиссионный магазин мой «кобеднешный» костюм – всё равно он мне не нужен, в церковь никогда не ходил, а на конференции и симпозиумы меня больше не зовут.

– Пусть и деньги тебя не волнуют. Справлюсь, впишусь в бюджет. Главное – чтобы ты продолжал спокойно заниматься своим любимым делом. Я давно уже поняла, что в этом весь смысл твоей жизни.

– Спасибо тебе, Лиза! Ты – моя единственная опора и надежда, боевая подруга до конца дней. Зови дочку, давайте ужинать, а потом освободи мне стол на кухне. Хочу поработать над одной брошюрой.

Он проник в тесную кухню, одну из стен которой украшали около десятка почётных дипломов на немецком, французском и английском языках.

XVII

Морозным декабрьским днём 1970 года у здания министерства здравоохранения СССР в Рахмановском переулке столицы лихо затормозил голубой микроавтобус «Латвия».

У входа, поеживаясь от холода, стояли трое солидных мужчин. Они были без пальто и головных уборов, в тёмных костюмах, белых рубашках и при галстуках.

Дверь автомобиля распахнулась и оттуда выпорхнула переводчица Минздрава, ярко-рыжеволосая «советская испанка» Ева. За ней, поочередно, боясь поскользнуться и упасть, пятеро невысоких смуглых мужчин в одинаковых длинных чёрных пальто и серых кроличьих шапках-ушанках, завязанных под подбородком. Неловко скользя в негнущихся зимних ботинках, которыми их, как и остальной амуницией, озаботилось снабдить родное посольство, они добрались до ступеней, ведущих в здание.

Прежде, чем поздороваться, чиновники министерства встретили делегацию громким возгласом:

– Вива Куба, вива Фидель!

Гостей проводили к гардеробу, помогли снять пальто и провели в просторный кабинет. Все расселись за длинным прямоугольным столом. Секретарша налила кофе в чайные чашки. Кубинцы, пригубив по глотку, дружно отодвинули их в сторону.

Ева вполголоса сказала хозяину кабинета:

– Забыла предупредить, Виталий Семёнович, что латиноамериканцы не пьют растворимый кофе. Моя вина...

Укоризненно покачав головой, Виталий Семёнович встал:

– Дорогие гости, уважаемые коллеги! Мы рады приветствовать вас на московской земле. Удобно ли вас разместили в гостинице «Пекин», всем ли вы довольны, не требуется ли что-то ещё? Не стесняйтесь, просите, требуйте. Мне приятно сообщить, что стипендия каждого из вас составит сто восемьдесят рублей в месяц – примерно столько же получают опытные врачи, заведующие отделениями в больницах нашей страны. Единственное, чем мы не сможем вас обеспечить – это горячим тропическим солнцем. Но тепло и заботу советских людей гарантируем!

Переведите мои слова, Ева. Да, кто там у них за старшего?

– Военный врач из Гаваны, хирург Хосе Льоренс. Вот тот, лысоватый, в роговых очках с зелёными стеклами. Все медики направлены в Москву ведущими клиниками Кубы.

Выслушав приветствие по-испански, Хосе Льоренс встал:

– Огромное спасибо за радушие, дорогие советские товарищи, коллеги. Благодаря вашему приглашению, мы впервые оказались на родине великого Ленина! И вот впервые в жизни нам довелось увидеть снег не в холодильнике, а прямо на улицах, ощущение от этого просто непередаваемое. Мы очень рады, что наша стажировка в Москве продлится целых десять месяцев, и позволит нам перенять передовой опыт светил советской хирургии. От имени всей делегации хочу заверить ваше министерство, что условия нам обеспечены великолепные, мы ни в чём не нуждаемся. И с нетерпением ждём начала работы.

– Замечательно! Мы заранее составили подробную программу вашей стажировки действительно у самых знаменитых советских медиков, которые готовы поделиться с вами своими знаниями и методами работы. От посланцев кубинской революции у нас секретов нет.

При вас постоянно будут находиться два переводчика – уже знакомая вам опытная товарищ Ева и студент последнего курса филологического факультета МГУ, недавно сдавший государственный экзамен по испанскому языку на «отлично».

Итак, сначала вам предстоит прослушать месячный курс лекций ведущих хирургов в Первом Московском медицинском институте – с синхронным переводом, разумеется. Затем вас примет в своей клинике сам академик Петровский, возглавляющий и наше министерство. А дальше – практика в Институте сердечной хирургии, в других знаменитых медицинских учреждениях Москвы. И даже – в Институте трансплантологии. Более того, профессор Соловьёв и профессор Шумаков готовы разрешить вам ассистировать им во время сложнейших операций на открытом сердце. Что скажете, компаньеро Льюренс?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.